

**ОСОБЕННОСТИ ЧИТАТЕЛЬСКОГО ВОСПРИЯТИЯ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ПРОИЗВЕДЕНИЯ
(НА ПРИМЕРЕ “КАПИТАНСКОЙ ДОЧКИ” А.С. ПУШКИНА)**

УДК 37.016:821.161.1

Кира Ткаченко, кандидат филологических наук,
старший преподаватель кафедры русского языка и литературы
Донбасского государственного педагогического университета

**ОСОБЕННОСТИ ЧИТАТЕЛЬСКОГО ВОСПРИЯТИЯ ХУДОЖЕСТВЕННОГО
ПРОИЗВЕДЕНИЯ (НА ПРИМЕРЕ “КАПИТАНСКОЙ ДОЧКИ” А.С. ПУШКИНА)**

В статье рассматриваются особенности различного читательского восприятия (наивно-реалистического, литературоведческого) события художественного произведения на фабульном и собственно поэтическом уровнях.

Ключевые слова: событие художественного произведения, читательское восприятие, читатель, литературовед, исследователь.

Лит. 7.

Кіра Ткаченко, кандидат філологічних наук,
старший викладач кафедри російської мови і літератури
Донбаського державного педагогічного університету

**ОСОБЛИВОСТІ ЧИТАЦЬКОГО СПРИЙНЯТТЯ ХУДОЖНЬОГО ТВОРУ
(НА ПРИКЛАДІ “КАПІТАНСЬКОЇ ДОЧКИ” О.С. ПУШКІНА)**

У статті розглядаються особливості різного читацького сприйняття (наївно-реалістичного, літературознавчого) події художнього твору на фабульному і власне поетичному рівнях.

Ключові слова: подія художнього твору, читацьке сприйняття, читач, літературознавець, дослідник.

Kira Tkachenko, Ph.D. (Philology), Senior Lecturer of
Russian Language and Literature Department
Donbass State Pedagogical University

**FEATURES OF READER PERCEPTION EVENT ARTWORK
(ON THE EXAMPLE OF THE “CAPTAIN’S DAUGHTER” BY O. PUSHKIN)**

The article considering features a variety of reader response (naive-realistic and literary) events or artworks on fable and poetic levels.

Keywords: event artwork, the reader’s perception, the reader, literary critic, researcher.

Постановка проблемы. Как представляется, многие трудности историко-литературного свойства, возникающие, в частности, при изучении “Капитанской дочери”, имеют теоретические “корни”. Определённость в этих понятиях будет способствовать, с нашей точки зрения, более четкой постановке вопросов, интересующих нас в данном исследовании. Одним из проблемных понятий является понятие о восприятии события художественного произведения. С него мы и начнем наш очерк.

Современное литературоведение продолжает активные поиски концептов, в рамках обсуждения которых можно было бы надеяться на собственного предмета науки о литературе.

“Событие” – один из таких концептов. Однако, как это часто бывает в гуманитарных изысканиях, согласный интерес к терминологически выделенному проблемному узлу разжигается еще более разногласием относительно ближайшего

контекста его употребления. Для литературоведения – это вопрос о том, о каком событии идет речь в первую очередь: о событии ли рассказывания или о рассказываемом событии?

Именно такое расхождение можно наблюдать при сопоставлении наиболее отчетливых определений природы события, принадлежащих различным исследователям. Мы приводим ниже ряд цитат, не претендуя на освещение “истории вопроса”. По Гегелю, событие есть “исполнение намеченной цели”, вследствие чего открывается “во всей его полноте цельный внутри себя мир, в совокупном круге которого движется действие” [1, 472]. Ю.М. Лотман: “... значимое уклонение от нормы (то есть “событие”, поскольку выполнение нормы “событием” не является) зависит от понятия нормы” а последнее принадлежит некоторому субъекту (типу культуры)” [2, 283]. Н.Д. Тамарченко: “...переход от одной ситуации к другой <...> в результате ли

ОСОБЕННОСТИ ЧИТАТЕЛЬСКОГО ВОСПРИЯТИЯ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ПРОИЗВЕДЕНИЯ (НА ПРИМЕРЕ “КАПИТАНСКОЙ ДОЧКИ” А.С. ПУШКИНА)

его [персонажа – К.Т.] собственной активности (путешествие, новая оценка мира) или “активности” обстоятельств (биологические изменения, действия антагонистов, природные или исторические перемены)” [3, 80]. П. Рикер: “Событие – это то, что могло произойти по-другому” [4, 115].

Общее критическое замечание, вбирающее в себя претензию ко всем вышеприведенным формулировкам, заключается в том, что такие характеристики события в полной мере совпадают с описанием события весьма прозаического свойства, а именно, события реальной действительности. Такому подходу противодействует стремление уловить специфику собственно события художественного произведения: “Всё активно (под определенным смысловым и эмоциональным углом зрения) воспринятое созерцателем, будучи событием его собственной внутренней – душевной и духовной – жизни, вместе с тем становится также событием бытия поэтического мира. Не только совокупность изображенных событий, но совокупность чувств, мыслей, догадок, предположений (правильных и даже неправильных) входит так или иначе в художественное событие целого произведения. Мир не только эмоционально переживает себя, но и осознает. Последнюю задачу выполняет исследователь, формируемый не только контекстом науки, но и поэтическим миром” [5, 142].

Совершенно очевидно, что в приведенных цитатах акцентированы фундаментально различные стороны проблемы. С одной стороны, то понимание события, которое резко всего постулирует Ю. Лотман (именно, как нарушение нормы, отклонение), с ничтожными смысловыми потерями может быть применено к событию тривиальной “реальной” действительности. Однако легко предвидеть возражение противной стороны: никто и не отрицает субъективного компонента в осуществлении события. Он, этот компонент неустраним и из самой, что ни на есть, эмпирической реальности. Еще более ступенька расхождение позиций тот факт, что и в тезисе Ю. Лотмана, и в тезисе В. Федорова присутствует предположение об актуальности, в одном случае, некоей нормы, соблюдение которой регулируется запретами, и, во втором случае, некоего “правильного” *восприятия* (поскольку исследователь причисляет к событиям в поэтическом мире “даже” неправильные предположения).

Цель статьи. В нашей статье мы анализируем особенности восприятия читателем события художественного произведения под разным углом зрения на примере отдельных эпизодов из

произведения А.С. Пушкина “Капитанская дочка”.

Изложение материала. Мы полагаем, что необходимым условием точной постановки вопроса о природе события художественного произведения является подведение общезначимого теоретического фундамента под понятие о норме (правильности) как масштабе, обеспечивающем мыслимость самого вопроса о событии как отклонении от нормы. В распоряжении исследователя “Капитанской дочки” есть уникальный в каком-то смысле материал, впускающий нас в самую сердцевину события восприятия, учреждающего довольно яркое событие в удовлетворительном для обеих точек зрения смысле.

Речь пойдет об одном эпизоде из эссе Марины Цветаевой “Пушкин и Пугачев” [6, 382]. Как будет показано, Цветаева, будучи своеобразным читателем, читателем – поэтом, ошиблась и сделала из этой ошибки выводы, органично вошедшие в корпус соображений по поводу “Капитанской дочки”. Мы имеем дело с “неправильностью” (наивности) восприятия и, соответственно, с появлением неслучившегося “на самом деле” события. Мы полагаем, что ошибка такого читателя не может не способствовать проявлению некоторых особенностей поэтического события вообще и эпического – в частности.

Итак: “Когда уличенный во лжи Гринев признается, что Марья Ивановна не племянница попа, а дочь убитого коменданта: “– Ты мне этого не сказал, – заметил Пугачев, у кого лицо омрачилось”. Почему (омрачилось)? Да не потому, конечно, что Марья Ивановна дочь того, а ре племянница другого, а потому, что Гринев ему солгал, себя в его глазах ложью уронил, и – главное, может быть, – ему, Пугачеву, не доверился. Но и это сходит – как сходило все и что не сошло бы! – и Пугачев просится к Гриневу в посаженные отцы” [7, 228].

Фабульный факт, однако, таков: Гринев не говорил Пугачеву о Маше ничего, кроме правды – что она сирота и его невеста. И сам Пугачев говорит не: “Ты мне солгал”, а: “Ты мне этого *не сказал*”. (Лжет, как всегда, Швабрин, утверждая, что солгал Гринев). М. Цветаева, по ее собственному слову, очарованная Пугачевым, невольно искажает суть происходящего до противоположности. Ошибка Цветаевой связана с жадной *события* в том смысле, который увязывается с отклонением от нормы: она *хочет* еще одного великодушного поступка Пугачева, что весьма, конечно, странно для казака-самозванца и, соответственно, вдохновляющее

ОСОБЕННОСТИ ЧИТАТЕЛЬСКОГО ВОСПРИЯТИЯ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ПРОИЗВЕДЕНИЯ (НА ПРИМЕРЕ “КАПИТАНСКОЙ ДОЧКИ” А.С. ПУШКИНА)

отклоняется от нормы поведения такого человека. На фоне этого предвосхищения Гринев и превратился в тривиального лгуна: ложь во спасение на статус события явно не тянет. “На самом деле” произошедшее не то, чтобы обесценивает поступок Пугачева, но зримо лишает его поведение желанного читателем (М. Цветаевой) масштаба романтического разбойничьего благородства.

Итак, ошибка Марины Цветаевой, ставшая отправным пунктом, явилась, видимо, следствием какого-то важного смущения, преодолеваемого приписыванием Гриневу лжи во спасение.

Рассмотрим поведение всех заметных персонажей повествования с точки зрения потенциальной событийности их поведения. Каждый из них оказывается в ситуации испытания перед лицом Пугачева. Взаимоподразумеваемыми в качестве антагонистических являются поступки 1) признания бунтовщика царем и 2) непризнания его царем. Признание Пугачева царем – нарушение присяги, непризнание – сопротивление инстинкту самосохранения. Следовательно, в первом случае нарушается социальный запрет, во втором – биологическая закономерность. И то, и другое – *события* в перспективе.

Петр Гринев, признаваясь в своей неспособности так или иначе именовать Пугачева в виду его, Пугачева, прямого требования это сделать, очевидно, не нарушает никакого запрета, не пренебрегает никакой нормой.

С нашей точки зрения, содержание поступков Гринева буквально лежит на поверхности: это незнание Гринева, как именовать Пугачева. Это не гордый жест отчаянного офицера, а понятное затруднение. Петр Гринев, в самом деле, не знает, кто перед ним, потому что сам предстоящий не знает этого: этим объясняется его настойчивое желание оправдать свои притязания с помощью Гринева. Пугачев в глазах Гринева не вор, и не царь. Но ситуация антагонистического конфликта не предполагает третьего имени в данном случае. Повествование вновь и вновь разрешает себе дальнейшее движение “сквозь” смущение и молчание главного героя. Незнание (невозможность выбора имени) Гринева, с одной стороны, и поиск имени Пугачевым – с другой, учреждает антагонизм не по линии веры-неверия в его царскую миссию, а по линии именованности его царем и/или вором и – незнания, кто он.

Марина Цветаева не выдержала испытания неговорением Гринева потому, что незнание-молчание Гринева как бы вытолкнуло ее – как читателя – в дособытийное (доэтическое) состояние.

Ясно, что литературовед не может не опираться в своем анализе на совершенно определенные социально-исторические и социально-психологические сведения, определения и т. п. Литературовед, как и любой читатель, не может отречься от “эффекта присутствия” при чтении произведения, не может читать ради последующего анализа. Приключения героев, их слова, мысли и чувства закономерно воспринимаются читателем как слова, мысли и чувства реальных людей.

Однако, становясь литературоведом, читатель должен совершить усилие перемены перспективы восприятия. В прямой, наивно-реалистической перспективе статус изображаемых событий соответствует статусу более или менее сильного внешнего впечатления, послужившего непосредственной причиной создания произведения. В такой перспективе для читателя вполне актуальны причинно-следственные связи, известные ему по собственному жизненному опыту; событие понимания, соответственно, состоит в установлении причинных связей между событиями (мыслями, чувствами) на том уровне и в таких формах, в каких эти причинные связи возможны в реальной действительности.

В аналитической перспективе изображаемые события не предшествуют событию собственно изображения, но совпадают с ним во времени. Событие изображения в таком случае не “отражает”, в частности, ту или иную конфликтную ситуацию, а является событием ее, этой конфликтной ситуации, разрешения. В полной мере сказанное относится и к изображаемым событиям. Событийно-фабульный ряд разворачивается как событие разрешения конфликта, внеположного действительности, понятой “наивно реалистически”. В такой перспективе и причинные связи имеют совсем иной характер. Строго говоря, причиной того или иного фабульного (изображаемого) события не может быть событие (факт) того же, фабульного ряда, но только – событие изображения. Это не означает, конечно, что мы не можем считать причиной отъезда Петра Гринева в Оренбург решение его отца, Андрея Петровича. Конечно, можем. Но, раз мы рассуждаем в таких терминах, то наше рассуждение не имеет отношения к анализу (описанию) эстетического события. Собственно эстетическое событие состоит в отстранении от ролевой определенности (предназначенности), понимаемой в данном случае предельно широко. Отстранение от ролевой определенности не следует понимать как сознательно инициируемый, храбрый, отчаянный поступок. Всякое человеческое намерение

ОСОБЕННОСТИ ЧИТАТЕЛЬСКОГО ВОСПРИЯТИЯ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ПРОИЗВЕДЕНИЯ (НА ПРИМЕРЕ “КАПИТАНСКОЙ ДОЧКИ” А.С. ПУШКИНА)

представляет собой намерение самоизменения, соответственно, включает в себя самоотчет, в том числе, и относительно собственной ролевой определенности. Это видение – прямая перспектива наивно-реалистического чтения.

Для тематики нашей статьи так же представляет интерес “странное сближенье” Петра Гринева и Пугачева. Думается, не будет преувеличением сказать, что коренным основанием этой дружбы в подавляющем большинстве случаев оказывается эпизод с дарением заячьего тулупчик и стаканом вина. Естественное человеческое проявление благодарности становится, по мнению многих исследователей, своеобразным паролем, благодаря которому главный герой проходит сквозь все искушения и испытания. Как нам представляется, подобные трактовки, как бы “упирающиеся” в исконное благородство человека, при всей их несомненной привлекательности, не исчерпывают аналитические перспективы, заложенные в знаменитом эпизоде, если рассматривать его, конечно, в ближайшем событийном контексте.

Для нас в разбираемом эпизоде важно то обстоятельство, что буран сводит мужа и барина в состоянии активного бунта: Пугачев уже во главе будущего мятежа; Гринев предпринимает серьезные усилия к скорейшему взрослению, выражающемуся более всего в неповиновении старому дядьке. Пугачев уже избран своими “дегушками” на трон, Гринев еще пребывает под слабеющей властью отца, представленной фигурой Савельича. Непредвзятое прочтение знаменитого эпизода со всей ясностью убеждает читателя в том, что благородство Петра Гринева не в последнюю очередь обусловлено его намерением доказать свою самостоятельность неугомонному в своей материнской заботе Савельичу.

Заячий тулупчик, вместе с тем, утрачивая сентиментальную символику, обретает не менее значимую символику: его “судьба” явственно указывает одновременно на: 1) взаимную предназначенность Пугачева и Гринева – он обоим мал, и 2) межролевое положение обоих. Пребывание обоих на значимом пограничье подчеркнута явной непригодностью тулупа ни для одного, ни для другого. Подарок Петруши практически бессмыслен, и именно это обеспечивает его, так сказать, непреходящую значимость. Стоит обратить внимание и на тот факт, что Пугачев в этом как бы дистанцируется от напрашивающегося в гипермотивы произведения антагонизма “холопы – бояре”: “Бродяга”, таким образом, оказывается вне

противопоставления “баре-холопы”, что в полной мере относится и к Гриневу, который на этом этапе своей жизни никем, собственно говоря, не является, никем не стал. И только бродяга с большой дороги именует его “благородием”. Гринев и Пугачев в эпизоде с тулупчиком изображены в состоянии безусловного усилия. Каждый из них устремлен неосознанно к перемене собственной роли в пределах устоявшейся иерархии. С особенной уверенностью мы можем говорить об этом в отношении Гринева. Если дарение тулупчика можно, при желании, интерпретировать как действительную благодарность, то настойчивость в решении ехать в непогоду обнаруживает юношеское легкомыслие с очевидностью.

Мы вновь застаем Гринева в минуту, во-первых, маленького бунта и, во-вторых, в минуту закономерно следующего за этим “бунтом” смущения. Причем, если после сцены отдачи долга Гринев вслух винится перед Савельичем, то раскаиваться в своем упрямстве (не таком, тем более осознанном, как в предыдущем эпизоде), “благодаря” которому кибитка затерялась в бурной степи, Гриневу не то, что не хочется, а попросту неуместно.

В этом фрагменте особый интерес представляет реплика “вожатого”. Именно: таинственный вожатый занимает явственно выраженную *третью* позицию относительно конфликта двух сторон: “бар” и “холопов”. Стало быть, самого себя он – не важно, осознанно или нет – ни к одной из них не относит. Если можно так выразиться, усилие взросления, предпринимаемое Гриневым, находит родственное по содержанию соответствие “на стороне” вожатого. Таинственный мужик занят каким-то своим “взрослением”, одолевает какую-то свою границу. Именно и только поэтому он “помогает” Гриневу сделать подарок – успеть в деле взросления. Оба персонажа в этом эпизоде оказываются если не вне пределов, то на границе того уровня социальной иерархии, к которым каждый из них принадлежит. Оба, и Гринев, и Пугачев одолевают внутреннюю границу, каждый – свою собственную. Подчеркнем еще раз: не элементарное чувство признательности и не случайная симпатия сближает Гринева и Пугачева. Они как бы чувствуют некое сродство по той причине, что их встреча между собой, внешнее, случайное событие фабульного ряда, застаёт обоих в момент внутреннего усилия самопреодоления, внутреннего роста, можно сказать. Савельич выполняет функцию охранительную. Он как бы концентрирует в себе материнское начало, да и отцовское тоже.

ОСОБЕННОСТИ ЧИТАТЕЛЬСКОГО ВОСПРИЯТИЯ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ПРОИЗВЕДЕНИЯ (НА ПРИМЕРЕ “КАПИТАНСКОЙ ДОЧКИ” А.С. ПУШКИНА)

Жалование тулупчика, таким образом, может быть рассмотрено в трех перспективах. Во-первых, и это чаще всего принимается во внимание, притом совершенно обоснованно: это человечески понятный акт благодарности. Это видно ясно с точки зрения “наивного” читателя. Во-вторых, это требует довольно изощренной, признаем, реконструкции: это приятие подарка от подданного. Это “видно” со стороны Пугачева. Наконец, третье, требующее привлечения в “свидетели” литературоведа-аналитика – это преступание границ патриархальной семьи, охраняемых Савельичем: поступок “по-своему”. Один из ряда, допускаемых взрослеющим Гриневым. Непослушание Петра Гринева открывает пространство для встреченого движения со стороны Пугачева. Кроме того, Пугачева можно рассматривать в этом эпизоде и как воспитателя, поощряющего в воспитуемом благородный, бескорыстный порыв.

Такой ход мысли не открывает некой новой перспективы в осмыслении главной коллизии “Капитанской дочки”. Оставаясь в пределах отвлеченно-морализаторской парадигмы оценки и интерпретации событий произведения, мы оказываемся за пределами собственно поэтической парадигмы. Дело в том, что события, описанные в главе “Вожатый”, представляются – пока – как случайное стечение обстоятельств. Стало быть, ища в первой встрече Пугачева и Гринева оснований для всего последующей фабулы, мы “укореняем” исток нашего понимания в чистой случайности. Ведь, если не отрываться от жизненно-прозаического контекста произошедшего, ясно, что и помощь Пугачева, и подарок Гринева, пресловутый тулупчик, вовсе не требовали от обоих каких-то сверхусилий, а, тем более, сколько-нибудь осязаемого самоотречения. И, отказываясь от поиска более прочных оснований, мы, читатели и литературоведы, признаем за персонажами едва ли не болезненную восприимчивость к элементарным проявлениям человечности в ближнем.

Некоторые исследователи оказывают в этой связи внимание разыгравшемуся бурану. “Бунт” природы как бы сопровождает, если не предшествует бунту черни. Соответственно, встреча Петра и Пугачева оказывается, в таком контексте, не вовсе уж и случайной: столкновение “верхов” и “низов” в хронотопе бунта (упраздняемой иерархии), индифферентном по отношению к какому бы то ни было регламенту представляется не только не случайным, но, напротив, закономерным и даже закономерным по преимуществу: знаковым. Однако и такая

интерпретация наталкивается на сопротивление “наивного читателя”: стихийное смешение границ должно – если держаться пределов аллегорической интерпретации – вывести участников событий к рубежу исконного состязания в человечности, предшествующего всякой иерархии. Читатель же “Капитанской дочки” оказывается свидетелем события совсем иного свойства: сын дворянина ладит с неизвестным мужиком, при этом вступая в конфликт с собственным слугой. Подчеркнем: на этом этапе анализа мы заняты только обнаружением неполной адекватности сугубо аллегорического подхода к пониманию одного из ключевых эпизодов произведения Пушкина.

Тулупчик “нужен” повествованию только для того, чтобы оказалась очевидной его непригодность ни для дарителя, ни для одариваемого. Тулупчик делает, насколько это возможно, очевидным внутренние усилия, в которых переживают себя и Гринев, и Пугачев. Событие прехождения границы создает условия для встречи, точное содержание которой не доступно ни одному из его участников – персонажей “Капитанской дочки”. Эта, внутренняя граница, многократно и эстетически значимо пресуществляется во всех ключевых ситуациях повествования, которое, ввиду своей краткости, сплошь состоит из таких ключевых ситуаций. В этом месте работы мы лишь напомним о том, что и Гринев, и Пугачев очевидно конфликтны по отношению к “своим”. Как Гринев не находит понимания и помощи в Оренбурге, в конце концов оказывается под судом; отец отрекается от него, так и Пугачев всегда готов к предательству “детушек”, использующих его – что он прекрасно видит.

Говоря вообще, поэтически значимым содержанием рассмотренного эпизода мы принимаем инерционное движение главных персонажей в хронотопе упраздняемой иерархии. Вводя определение “инерционное” мы намереваемся подчеркнуть серьезные трудности, неизбежные на пути рассуждения, имеющего в виду доказательное описание самостоятельного поступка вообще и поступка самоотверженного – в частности.

Выводы. С нашей точки зрения, апелляция к благородным (а равно – и прямо противоположным мотивам “поведения персонажа”) является едва ли не прямым доказательством исследовательской поверхностности. Мы предпочитаем методологию максимально возможного исчерпания объяснительных ресурсов, позволяющих анализировать происходящее и на фабульном, и на собственно поэтическом уровнях наиболее

РОЗРОБКА ПИТАНЬ ДИТЯЧОГО КОЛЕКТИВУ В УРСР (60 – 80-ТІ РР. ХХ СТ.)

объективно, что важно для понимания значимости художественного произведения и замысла автора.

1. Гегель Г.В.Ф. Лекции по эстетике // История эстетики. Памятники мировой эстетической мысли / Гегель Г.В.Ф. – М., 1959. – 472 с.

2. Лотман Ю.М. Структура художественного текста / Лотман Ю. М. – М.: Искусство, 1970. – 384 с.

3. Тамарченко Н.Д. Типология реалистического романа / Тамарченко Н.Д. – Красноярск: Изд-во Красноярского ун-та, 1988. – 195 с.

4. Рикер П. Время и рассказ / П.Рикер. М.; СПб. – 2000. – 313 с. – (Время и рассказ: в 2 т. / П. Рикер: Т. 1).

5. Федоров В.В. О природе поэтической реальности / Федоров В.В. – М.: Сов. писатель, 1984. – 189 с.

6. Цветаева М.И. Пушкин и Пугачёв // Цветаева М.И. Проза. Автобиографическая проза. Воспоминания о поэтах. Мой Пушкин. Литературно-критические статьи / М.И. Цветаева. – Кишинёв: Лумина, 1986. – С. 373 – 402.

7. Цявловский М.А. Статьи о Пушкине / Цявловский М.А. – М.: АН СССР, 1962. – 436 с. – (АН СССР. Отд-ние лит. и яз.).

Стаття надійшла до редакції 19.06.2015

УДК 37.013

Олена Сараєва, докторант кафедри педагогіки, психології й освітнього менеджменту Херсонського державного університету

РОЗРОБКА ПИТАНЬ ДИТЯЧОГО КОЛЕКТИВУ В УРСР (60 – 80-ТІ РР. ХХ СТ.)

У даній статті автором на основі дослідження публікацій учених у педагогічній періодиці проаналізовано наукові розробки питання дитячого колективу, висвітлено соціально-психологічний та педагогічний формат проблеми. Визначено зміст та специфіку діяльності наукової лабораторії “Колектив і особистість”, що об’єднала своєю проблематикою теоретиків, практиків та управлінців УРСР.

Ключові слова: колектив, особистість, соціометричне дослідження, педагогічна періодика, дитячий колектив.

Літ. 14.

Елена Сараева, докторант кафедры педагогики, психологии и образовательного менеджмента Херсонского государственного университета

РАЗРАБОТКА ВОПРОСОВ ДЕТСКОГО КОЛЛЕКТИВА В УССР (60 – 80-ТЫЕ ГГ. ХХ В.)

В данной публикации автором на основе исследования статей ученых в педагогической периодике проанализированы научные разработки вопросов детского коллектива, освещен социально-психологический и педагогический формат проблемы. Определены содержание и специфика деятельности научной лаборатории “Коллектив и личность”, которая объединила своей проблематикой теоретиков, практиков и управленцев УССР.

Ключевые слова: коллектив, личность, социометрическое исследование, педагогическая периодика, детский коллектив.

Olena Saraeva, Doctoral of Pedagogy Psychology and Educational Management Department Kherson State University

THE DEVELOPMENT ISSUES OF CHILDREN'S COLLECTIVE IN THE USSR (60TH – 80TH OF XX CENTURY)

In this publication the author on the basis of research of articles in scientific periodicals analyzed the pedagogical researches of the children's collective development. The socio-psychological and pedagogical problems are characterized. The content and specific activity of scientific laboratory “The collective and personality”, which united their issues theorists, practitioners and managers of USSR were determined in the article.

Keywords: collective, personality, sociometric research, educational periodicals, children's collective.

Постановка проблеми у загальному вигляді. На сучасному етапі освітні трансформації базуються на екстраполяції теоретичних та практичних розробок попередників у педагогічний процес. Так, перенасиченість

освітніх модернізацій орієнтацією на потреби особистості, перевагою індивідуального призвела до формування в особистості цілого спектру негативних рис. Таку тенденцію можна подолати виробивши новий підхід, в основі якого